

Глава 20

Мать Ли Фухая снова оказалась на больничной койке сразу после того, как отгремели поминки. Преклонный возраст, букет хронических болезней и недавнее горе — смерть сына, казалось, окончательно подкосили старуху. Жить ей оставалось считанные дни.

Когда Юэ Цянь пришёл в поселковую больницу, у постели больной дежурили старший брат Фухая с женой. Мужчина лишь тяжело вздыхал: мать почти перестала узнавать родных, несла какую-то околесицу, и расспрашивать её о чём-либо было делом совершенно бесполезным.

Офицер посмотрел на старушку, чьи веки были полуприкрыты.

— Ничего, — негромко произнёс он. — Я просто немного посижу рядом.

Юэ Цянь опустил на стул у кровати.

— Ну, бабушка, как вы себя сегодня чувствуете?

Мутные глаза матери Ли медленно повернулись в его сторону. Губы зашевелились, источая невнятные, едва различимые звуки.

— Помните меня? Я был у вас на поминках, — он достал из кармана конфету. — Скушал их тогда целую гору.

Старуха уставилась на яркий фантик.

— Фухай... любил их.

— Потому вы их столько и заготовили? — вкрадчиво спросил Юэ Цянь. — Фухай ведь был вашим самым любимым сыном, верно?

Дрожащая, высохшая рука потянулась к сладости. Старуха принялась неловко разворачивать обертку.

— Фухай... мой Фухай...

— Как же он ушёл от нас? — тихо спросил следователь.

Старая женщина словно не слышала вопроса, продолжая раз за разом повторять имя сына.

Родственники твердили, что она лишилась рассудка, однако Юэ Цянь видел: она прекрасно осознаёт, что сын мёртв и покинул этот мир раньше неё. Но в её горе сквозило нечто иное — нечто, подозрительно похожее на страх или глубокое беспокойство. Пока он не мог понять, в чём именно причина этой тени.

— Бабушка, расскажите мне о нём, — продолжал Юэ Цянь. — Завод его процветал, всю семью на ноги поставил, вытащил из нужды. Одно мне только непонятно: почему он не захотел строить его здесь, в посёлке Цзячжи? Зачем поехал в такую даль, в уезд Чанцзы? Там ведь ни родни, ни связей...

Он не успел договорить — пальцы старухи, теребившие обертку, замерли. Взгляд неуловимо изменился. Юэ Цянь впился глазами в её лицо. Сквозь плотную белёсую пелену катаракты проступило едва заметное, но вполне отчётливое изумление.

«Попалась», — промелькнуло в голове у следователя.

Его догадки не были беспочвенными. У решения Ли Фухая бежать из родных мест была веская причина.

— Здесь... было нельзя? Неудобно для завода? — Юэ Цянь намеренно замедлил темп речи.

Мать Ли покачала головой и отложила конфету в сторону. Она явно что-то знала, но говорить не желала.

Юэ Цянь нахмурился. Давить на человека в таком состоянии было невозможно, но ведь совсем скоро она унесёт этот секрет в могилу. Немного помедлив, он решил сменить тактику:

— Бабушка, а сколько у вас внуков?

На этот раз в глазах старухи блеснул живой огонёк.

— Пятеро. Две внучки и три внука.

— Какое богатство! Полная чаша. А у моего деда — только я один, — улыбнулся Юэ Цянь. — А у Фухая дети были?

Реакция оказалась пугающей. Дряблое тело старухи мгновенно напряглось, кожа на лице неестественно задергалась, словно этот вопрос пробудил в ней древний ужас. Но ведь бездетность Фухая и его жены Ли Цяньцзы давно была для семьи свершившимся фактом, к которому все привыкли.

— У него совсем не было детей? — Офицер подался ближе. — Почему? Неужели они с женой

развелись только из-за этого?

Внезапно из глаз матери Ли брызнули слёзы.

— Фухай... Он так хотел... Во сне видел их, мечтал каждую ночь.

Слёзы эти были так же странны, как и вся её реакция. Следователь замялся. Перед глазами невольно всплыл образ обезумевшей Лю Чжэньхун, помешавшейся на желании забеременеть. Неужели и Ли Фухай был таким же? Но внешне он никогда не выказывал одержимости продолжением рода. Почему же мать говорит, что он «мечтал об этом во сне»?

— И что, они с женой ходили к врачам? — Юэ Цянь чувствовал, что нити путаются, и пытался вытянуть хоть что-то. — В ком была причина? В нём или в ней?

Старуха словно перестала понимать человеческую речь. Она уставилась в пространство, бормоча под нос:

— Одержимость сгубила его... Бедный мой Фухай. Жена бросила его, не выдержала.

Предыдущий вопрос Юэ Цяня был лишь прощупыванием почвы. На самом деле ответ был очевиден: бесплодным был именно Ли Фухай.

— Не может быть. Он ведь был таким умным, расчётливым. Как он мог «дойти до безумия»? Как же он тогда делами заправлял?

Старая женщина вдруг принялась нараспев читать мантры, сама становясь похожей на одержимую. Юэ Цянь подождал немного и решил зайти с другой стороны:

— Бабушка, я тут одну женщину знаю... У неё всё точь-в-точь как у вашего сына. Тоже детей нет, так она каждый день варит суп из карасей. Да без соли, без специй — гадость несусветная. А Фухай... какими рецептами он пользовался? Какими снадобьями?

Бормотание мгновенно оборвалось. Мутные зрачки старухи снова сфокусировались на лице офицера.

— Карасиный... суп?

— Ага, суп. Вонючий до невозможности, меня от одного запаха воротит, — Юэ Цянь не сводил с неё взгляда. — Фухай тоже заставлял свою жену это пить?

Старуха не ответила, но её реакция дала ответ. Спустя десятилетия она словно снова ощутила

тот тошнотворный, приторный запах. Однако Юэ Цянь озадачило другое: в её страхе примешивалось нечто, похожее на раскаяние.

О чём она жалела? О том, что изводила невестку? Или за этим скрывалось нечто куда более мрачное?

— Бабушка, а что это за мантру вы сейчас читали? — спросил Юэ Цянь. — Научите меня, я деду своему накажу, пусть тоже читает.

Старуха вперилась в него тяжёлым взглядом:

— А твой дед... что он совершил?

— В каком смысле? — не понял он.

Она промолчала.

До следователя дошло быстро.

— Нужно совершить что-то ужасное, чтобы возникла нужда в таких молитвах?

Старуха снова забормотала. Юэ Цянь не понимал ни слова, но весь разговор записывал на диктофон — решил позже спросить знающих людей.

Взор матери Ли снова затуманился, она отвернулась. Юэ Цянь на мгновение задумался над смыслом её фразы: «Что он совершил?». Мантры не читают просто так. Их читают, когда за душой тянется груз. Означало ли это, что Ли Фухай совершил ошибку? Или... преступление?

Профессиональное чутьё сразу подсказало Юэ Цяню этот вариант, но он заставил себя сохранять хладнокровие.

— Эту мантру читают, потому что совершили проступок? — предпринял он последнюю попытку.

Голос старухи стих. Она замерла, словно каменное изваяние.

— Кто именно совершил этот проступок? — снова спросил Юэ Цянь.

— Бодхисаттва уже простила Фухая! — хрипло выкрикнула старуха. — Простила!

Сказав только эту фразу, она вцепилась в одеяло и не смотрела на Юэ Цяня.

— Вы молитесь Бодхисаттве, прося её простить Фухая?

Она лишь яростно мотала головой.

— Что именно он сделал?

— Он ушёл! Даже если и был проступок, он давно смыт и аннулирован!

— Говорят, вы настояли на таких пышных похоронах. Созвали всех мастеров из округи. Это тоже было ради...

Старуха продолжала качать головой, не проронив больше ни слова. В палату вошли врачи и родственники, и следователю пришлось прервать этот странный допрос. Однако, покидая больницу, он взглянул на свои записи и убедился: направление выбрано верно.

Ли Фухай уехал в уезд Чанцзы не за льготами. Он бежал, потому что не мог больше оставаться в Цзячжи после того, что совершил в прошлом. Его мать и, вероятно, покойный отец знали правду, но для остальной родни это осталось тайной.

Фухай давно смирился с тем, что наследниками станут дети братьев, но когда-то он отчаянно боролся за собственную плоть и кровь. И в этой борьбе он, судя по всему, зашёл так же далеко, как и Лю Чжэньхун со своим карасиным супом. А возможно — и гораздо дальше. Именно поэтому реакция его матери была столь болезненной.

Юэ Цянь задумчиво провёл стрелку в блокноте. Грех, заставивший Фухая бежать, и мантра, которую читает его мать... Не было ли это ценой его попыток излечить бесплодие?

Грандиозные похороны теперь виделись в ином свете. Это не было просто данью памяти. Старуха Ли верила, что её сын ушёл, и Бодхисаттва его простила. Поминки были актом искупления, попыткой обнулить счёт.

Юэ Цянь включил диктофонную запись, но так и не смог разобрать слов. Будь он по-прежнему заместителем командира отдела тяжких преступлений, он бы просто вызвал эксперта. Но сейчас он был лишь новичком, и нести такие оккультные загадки Чэнь Сую или Е Бо было делом рискованным. Тем более что Е Бо и так подозревал в самоубийстве Ли Фухая «одержимость».

Одержимость... Юэ Цянь почувствовал, как очередной узел в паутине дела развязался. Мать Ли тоже могла верить в одержимость сына, но, в отличие от Е Бо, она знала правду. Для неё это могло быть заслуженной карой. И на похоронах, и сейчас она не выказывала глубокой скорби — она лишь жаждала разорвать цепь кармы.

Те поминки были непростыми. И следователь мгновенно вспомнил об одном из мастеров, участвовавших в ритуалах. Инь Мо.

В деревне Цзячжи даже дети знали: Инь Мо видит «грязь», умеет говорить с мёртвыми и смыслит в запретном. Если кто и мог опознать мантру, так это он.

Когда Юэ Цянь дозвонился до Инь Мо, тот как раз занимался обустройством траурного зала в посёлке. Узнав, что «бумажный братец» совсем рядом, он поспешил к нему.

В посёлке было много старых домов, теснящихся друг к другу, словно ячейки в сотах. Жили здесь в основном старики, многие из которых не пережили зиму. Социальные службы фиксировали смерти почти ежедневно. Люди могли экономить на всём при жизни, но на проводах в последний путь не скупилась. Дети словно соревновались в сыновней почтении, возводя ритуальные шатры. Едва разбирали один, как тут же ставили другой — и так всю зиму напролёт.

Юэ Цянь шёл по узкому переулку, когда мимо него, ворча, прошли две молодые девушки.

— Как же надоело! Каждый день эти шатры, жжёная бумага и песни для мёртвых. Жить невозможно!

— А что поделаешь? Район такой. Но ты видела того красавчика, что венки расставлял? Ну до чего хорош!

— Ха! Толку-то с красоты, если он на покойниках деньги делает.

— Ой, да ладно тебе. Хоть на симпатичного парня посмотреть среди этого мрака, всё лучше, чем на лысых пузатых мужиков.

— Ну, в этом ты права...

Юэ Цянь сразу понял, о ком речь. Протиснувшись сквозь лабиринт ритуальных тентов, он действительно увидел Инь Мо. Одетый во всё чёрное, мастер о чём-то негромко беседовал с родственниками усопшего. Заметив гостя, он никак это не выразил.

Следователь не стал мешать. Чтобы не стоять без дела, он помог занести в дом несколько венков. Родственники, приняв его за помощника, протянули ему сигарету. Он взял её и привычным жестом заложил за ухо.

— Новенький? Раньше тебя не видел, — заметил один из мужчин.

— А? — Юэ Цянь на мгновение замялся.

Мужчина кивнул в сторону Инь Мо:

— Сяо Инь тебя нанял?

— Точно, — подхватил Юэ Цянь. — Брат Инь — мой земляк. Решил вот подработать немного.

— Ну, считай, повезло тебе. Сяо Инь — парень основательный. Если он за дело берётся, мы спокойны.

Инь Мо пользовался здесь безупречной репутацией. Его бумажные подношения считались лучшими: он мог изготовить всё, что пожелает заказчик. Цены у него были честными, без скрытых доплат, а ритуалы он проводил с должным почтением и размахом. Поэтому, если в семье случалось горе, первым делом шли к нему. Лишь если он был занят, рассматривали других.

— Твой брат поёт — заслушаешься. Как настоящий артист, ещё и в опере может! — доверительно шепнул заказчик Юэ Цяню. — А сам-то умеешь?

— Я? — Юэ Цянь вспомнил свои походы в караоке, откуда его вечно выставляли. — Нет, я так... на подхвате.

Собеседник посмотрел на него с недоверием:

— Скромничаешь. Сяо Инь абы кого не берёт. Наверняка ты тоже мастер на все руки.

— Неужели Брат Инь и правда так хорошо поёт? — любопытно спросил офицер. — Мне пока не доводилось слышать.

— О-о, это надо слышать! Он в опере фору любому даст!

Инь Мо закончил дела и направился к ним. Юэ Цянь с интересом оглядел его.

«Надо же, этот тип ещё и оперные арии выдает?»

— Какие новости на сегодня, господин офицер? — с полуулыбкой спросил Инь Мо.

Юэ Цянь невольно вздрогнул от этого обращения.

— Обедал уже? Тут на выезде из переулка есть забегаловки. Может, перекусим?

— Похоронная трапеза включена, — отрезал Инь Мо.

— ...

— Но раз уж ты решил поработать моим помощником, одна порция для тебя найдётся, — усмехнулся мастер.

— Ты всё слышал?

В шатре стояло несколько столов с большими баками еды. Юэ Цянь подошёл к ним вместе с Инь Мо. Когда крышки открыли, в нос ударил аппетитный аромат домашней кухни. Обычная еда, но он был чертовски голоден.

— Твой талант — приходить на поминки за бесплатной едой, — заметил Инь Мо, протягивая ему контейнер.

— Я ведь предлагал тебя в ресторан сводить, сам отказался, — пробормотал Юэ Цянь, усаживаясь на пластиковый стул.

Он быстро расправился с частью порции, а затем достал телефон и включил запись.

— Послушай. Что это за мантра?

Инь Мо слушал меньше пяти секунд. Он выключил запись и швырнул телефон обратно владельцу.

— Понял, что это? — спросил Юэ Цянь.

— Ходил к старухе Ли?

— Как ты узнал?

— Она постоянно это твердит.

— Так что это?

Инь Мо отложил палочки и в упор посмотрел на следователя. Юэ Цянь замер, ожидая ответа.

— У меня что, рис на лице прилип? — не выдержал он.

— За поимку преступника премия полагается? — вдруг спросил Инь Мо.

Юэ Цянь едва не поперхнулся. Он сам жил на подачки Старика Юэ, даже телефон старый сменить не мог, а Инь Мо уже делил шкуру неубитого медведя.

— Если я дам зацепку, — продолжал Босс Инь, — то часть премии должна достаться мне.

— Да всё забирай! — Юэ Цянь щедро раздавал обещания.

Инь Мо прищурился, то ли веря, то ли нет.

— Это Покаянная мантра. Но читает она её не за себя.

— За сына? За Ли Фухая?

— За младшего в роду. А вот кто именно это был — работа для полиции.

— А в чём он должен покаяться?

— И это тоже — работа для полиции.

Юэ Цянь призадумался.

— Те поминки... Они ведь отличались от тех, что ты проводишь обычно?

Инь Мо молча доел рис и поднял глаза:

— М-м?

— Не прикидывайся. Ты мастер своего дела, востребованный профи. Ты всегда досконально изучаешь нужды клиента, прежде чем принять заказ. Как и сегодня.

Инь Мо помолчал.

— Как ты думаешь, для кого проводятся поминки?

— Для мёртвых, очевидно.

— Ошибаешься, — возразил Инь Мо. — Уходя, человек оставляет всё. То, чего он не получил

при жизни, не обретёт и после смерти.

Юэ Цянь кивнул:

— Значит, это спектакль для живых. Чтобы успокоить их.

— Верно. Но старуха Ли... она действительно делала это для сына.

— В смысле?

— Она пыталась выкупить его душу. Очистить от грехов. Надеюсь, что небеса зачтут этот пышный обряд и обнулят его долги.

— Что это был за грех? — быстро спросил Юэ Цянь.

— Она не сказала.

— Она сама говорила об искуплении?

— Нет. Но её требования к обряду и мантры, которые она читала без остановки, позволяют это предположить. — Инь Мо снова улыбнулся. — Я ведь мастер своего дела.

Юэ Цянь не успел доесть, как Инь Мо позвали родственники. Заказчик на прощание дружески похлопал его по плечу:

— Ешь не торопись, парень. Вечером оставайся — послушаешь, как твой босс поёт!

Следователь и рад бы остаться, но три висящих дела не оставляли времени.

— Уходишь? — послышался за спиной голос Инь Мо.

— Ага! — Юэ Цянь махнул рукой. — Раскрою дело — премия твоя.

Инь Мо рассмеялся — на этот раз искренне.

— Ловлю на слове.

Вернувшись в участок, Юэ Цянь сразу подошёл к доске с уликами. Смерть Ли Фухая, вне зависимости от того, была ли там чертовщина, не была «чистой». До того как открыть завод, он

совершил нечто, что до сих пор до смерти пугает его мать. И это нечто напрямую связано с его неспособностью иметь детей...

От раздумий его отвлек голос начальника.

— Юэ Цянь!

Офицер обернулся. К нему быстро шёл Чэнь Суй с бумагами в руках. Лицо начальника сияло от возбуждения.

— Я тебя зову-зову, а ты как в танке! — Чэнь Суй протянул ему отчёт. — Глянь-ка на результаты ДНК-экспертизы. Ты ни за что не поверишь...

Юэ Цянь привычным жестом пролистнул документ до последней страницы. Глаза его расширились.

— Мать и дочь?

Среди собранных ранее образцов были и данные Лю Чжэньхун. Экспертиза подтвердила: Лю Чжэньхун и убитая Лю Ланьшань — биологические мать и дочь.

Юэ Цянь медленно перечитал заключение. Ошибки быть не могло. В таких делах вероятность случайного совпадения стремится к нулю.

В голове следователя мгновенно сложилась картина: безумие Лю Чжэньхун, недомолвки Лю Чэна и Ло Мэнъюнь о происхождении Ланьшань... Эта женщина, изгой номер два деревни Цзячжи, которая казалась лишь случайным свидетелем, на самом деле была в самом сердце кровавой цепочки.

Чэнь Суй, знавший Лю Чжэньхун много лет, пребывал в растерянности.

— Похоже, она и сама не знала, что у неё есть дочь.

«Если бы она знала, она бы не сошла с ума», — подумал Юэ Цянь.

Смертельная тоска Лю Чжэньхун по нерождённому ребёнку была её проклятием. Как же могло случиться, что она родила и не знала об этом?

Виски Юэ Цяня заломило от напряжения. Правда была уже где-то совсем рядом.

— Начальник Чэнь, вы сообщили ей?

— Пока нет.

— Не спешите. Сначала я хочу увидеть лица Лю Чэна и Ло Мэнъюнь.

<http://bllate.org/book/15837/1434908>